

**Томская епархия Русской Православной Церкви
Администрация Томской области
Мэрия г. Томска
Совет ректоров вузов г. Томска
Институт развития образовательных систем РАО
Томский Областной Институт ПКРО**

*Православное наследие как источник
духовного и
общественного развития России*

**Материалы XXII-ых Духовно-исторических чтений памяти
святых равноапостольных Кирилла и Мефодия**

Томск – 2013

**ЖИТИЙНЫЕ СЮЖЕТЫ В СБОРНИКЕ «ЖАТВА ДУХА»
Е. Ю. КУЗЬМИНОЙ-КАРАВАЕВОЙ (МАТЕРИ МАРИИ)**

М. Н. Климова

Томский государственный университет

Поэтическим эпиграфом этого сообщения станут строки, увидевшие свет в 1937 г. в сборнике со скромным названием «Стихи».

Братья, братья, разбойники, пьяницы,
Что же будет с надеждою нашею?
Что же с нашими душами станется
Пред священной Господнею чашею?

Как придем мы к Нему неумытые?
Как приступим с душой вороватою?
С раной гнойной и язвой открытою,
Все, блудницы, разбойники, мытари,
За последней и веяной расплатою?

Будет час – и воскреснут покойники, –
Те – одетые в белые саваны.
Эти – в вечности будут разбойники,
Встанут в рубищах окровавленных.

Только сердце влечется и тянется
Быть, где души людей не устроены.
Братья, братья, разбойники, пьяницы,
Вместе встретим Господнего воина.¹[1, с. 125].

У автора этих строк за пятьдесят три года ее насыщенной событиями жизни было много имен: Лиза Пиленко, Елизавета Кузьмина-Караваяева, Елизавета Юрьевна Скобцова, мать Мария и последнее, посмертное имя, данное уже в новом столетии, – преподобномученица Мария Парижская. Удивительна судьба этой женщины, поэтессы Серебряного века, ставшей в эмиграции монахиней в миру и участницей французского Сопротивления, принявшей смерть в фашистском лагере Равенсбрюк. Поэтический дар был, возможно, не самым главным среди ее разнообразных талантов и дарования, но в своем литературном творчестве, как и во всем остальном, она была оригинальной и искренней, следуя и здесь своим особым путем [2]. Ее многообразное литературное наследие, помимо несомненных художественных достоинств, представ-

ляет интерес как яркая иллюстрация непростых путей, приводящих «безмерную» русскую душу к Богу.

Тема нашего сообщения – сборник духовной прозы «Жатва духа», начинающий серию религиозно-философских сочинений Е. Ю. Кузьминой-Караваевой [3, с. 13-84]. Впрочем, эстетические достоинства сборника позволяют рассматривать его и как художественное произведение. Появлению сборника предшествовала личная трагедия – в марте 1926 г. от менингита умерла младшая четырехлетняя дочь Елизаветы Юрьевны, Настя. Из этого страшного горя женщина вышла преображенной. Позднее она писала: «Мне открылось другое, какое-то особое, широкое-широкое, всеобъемлюще материнство... Я вернулась с кладбища другим человеком, я увидела перед собой новую дорогу и новый смысл жизни...» [1, с. 13]. Она решает посвятить себя служению Богу, отказавшись от личной жизни. Через шесть лет после смерти дочери, в 1932 г. Елизавета Юрьевна принимает монашеский постриг.

Женщину в ее решимости не остановило даже то, что традиций православной монашеской жизни во Франции в это время попросту не было. Открывшаяся ей «новая дорога» предполагал служение именно в миру, чтобы нести Благую Весть евангельской Любви тем, кто в этом более всего нуждался – грешным, слабым, опустившимся на самое дно жизни, что и прошло на чужбине со многими нашими соотечественниками. И митрополит Евлогий благословил на этот необычный и нелегкий путь новую инокиню, получившую монашеское имя в честь пустынножительницы Марии Египетской. По предположению одной из очевидиц пострига, он, возможно, при этом «думал о том, что как Мария Египет<ская> ушла в пустыню к зверям, так она идет в своем монашестве в мир к людям, с которыми часто труднее, чем со зверями» [1, с. 15]. В эти дни нареченная мать Мария пишет для себя далекий от канонов, «самомысленный», как сказали бы в Древней Руси, образ своей новой небесной покровительницы. Ангел указывает отшельнице Марии на некогда оставленный ею грешный город, призывая вернуться туда... Но это было много позднее. А в самом начале подготовки к предстоящему ей тернистому пути Елизавета Юрьевна обратилась к духовной литературе, стараясь отыскать в ней своих единомышленников и предшественником. Результатом этих поисков и стал сборник «Жатва духа».

Два первых его выпуска а, включавшие восемь обработок духовных текстов русского Православия, вышли в Париже в 1927 г. (в 1994 г. они были переизданы томским издательством «Водолей»). Г.П. Федотов откликнулся на их выход одобрителем рецензией. В конце минувшего столетия в парижском архиве Елизаветы Юрьевны была обнаружена машинопись с авторской правкой еще девяти очерков, предназначав-

шихся для третьего и четвертого выпусков. Полностью авторский замысел «Жатвы духа» представлен в антологии ее религиозно-философских сочинений с тем же заглавием/

Вслед за Г.П. Федотовым «Жатву духа» обычно называют пересказом житий, видя в авторе сборника продолжательницу литературной традиции, начатой Н.С. Лесковым, М.А. Кузминым, А.М. Ремизовым. Это не совсем точно. Согласно указаниям автора сборника, помимо агиографического свода св. Димитрия Ростовского, другим источником «Жатвы духа» стали назидательные рассказы Древнего патерика (семь очерков и 3 семнадцати), герои-монахи которых не были канонизированы Церковью. Сами их имена писательница нередко изменяла, соединяя в единое целое несколько патериковых рассказов. Не ставила она перед собой и задачи точного воспроизведения конкретных житий средствами современной литературы. В духовных текстах минувших веков автор «Жатвы духа» искала примеры для подражания в служении Богу путем бескорыстного и жертвенного служения людям, которое Елизавета Юрьевна в соответствии с известным высказыванием Евангелия от Иоанна (Ин:15,13) считала высшим проявлением христианской Любви. Как писала она об одном из своих героев: «И когда достиг он совершенной любви к Господу, было сердце его пронзено жалостливой любовью к ближнему своему – скорбящему человеку» [3, с. 34]. Эту высшую форму любви она и обозначила ключевым для сборника понятием «жатва духа».

В результате целенаправленного отбора в обширном сонме православных святых автор нашла двенадцать своих героев, имена которых вынесла в заглавия десяти очерков: «Иоанникий Великий», «Мученик Никифор и его друг Саприкий-пресвитер», «Виталий-монах», «Петр, сборщик податей», «Серапион-синдонит», «Спиридон, епископ Тримифунтский», «Лев Катанскийц и Илиодор-волхв», «Преподобная Марина», «Милостивый Филарет», «Мартиниан, Зоя и Фотина». Одно из этих заглавий нуждается в пояснении, которое отсутствует в комментариях к изданию полного текста сборника. Очерк «Преподобная Марина» представляет собой близкий к первоисточнику пересказ по памяти Жития преподобной Марии Вифинской, «подвизавшейся под именем инока Марина» (12 февраля.).

В своей рецензии Г.П. Федотов обращал особое внимание на то, что автор сборника «не взяла ни одной мученической и ни одной аскетической легенды» [1, с. 13]. Это также верно – уже в первый выпуск вошли переработки Жития выдающегося аскета Иоанникия Великого и мученика Никифора. Но и в житиях самого разного типа, и в патериковых рассказах Елизавета Юрьевна искала преимущест-

венно примеры жертвенного служения христианского подвижника тем, кто погряз в грехе, слаб духом и обездолен. Перечислим наиболее характерных в этом плане святых героев «Жатвы духа». Монах Виталий, отказавшийся от жизни отшельника во имя спасения душ александрийских блудниц. Сборщик податей Петр, искупивший былой грех жестокосердия раздачей своего имущества и добровольным рабством. Серапион-синдонит, ставший слугой скомороха, чтобы морально поддержать и наставить на путь истины членов его семейства. Подвизавшаяся в мужском образе» девушка Марина, любовно воспитавшая чужого ребенка, которого людская клевета объявила плодом ее греха. Бескомпромиссно последовательный в своей щедрости «друг бедных» милостивый Филарет. Отшельник Мартиниан, ценой нанесения себе увечья не только победивший соблазн, но и обративший на путь духовного возрождения свою искусительницу Зою. Эти житийные сюжеты привлекали внимание и других русских писателей. Например, некоторых героев «Жатвы духа» мы находим и в «Легендарных характерах» Н.С. Лескова, и в стилизованных под средневековые мистерии «комедиях» М.А. Кузмина. Сравнение этих обработок с трактовкой житийных сюжетов Е.Ю. Кузьминой-Караваевой представляется интересным и перспективным во многих отношениях. Подчинение единому авторскому замыслу этих житийных сюжетов не потребовало их существенного изменения. Создательница «Жатвы духа» лишь «утеплил» суховатый текст первоисточников художественно выразительными «бытовыми» подробностями и добавила необходимые реплики, нередко заимствуя их из других духовных текстов (так, в беседу Виталия с одной из блудниц вставлена подходящая по ситуации сентенция из Жития раскаявшейся грешницы Пелагии).

Другие из выделенных Е.Ю. Кузьминой-Караваевой для включения в сборник житийных рассказов ей пришлось существенно трансформировать. В качестве примера назовем самый первый очерк, посвященный св. Иоанникию Великому. Из его пространного жития в «Жатву духа» было включено лишь два не самых значительных для композиции первоисточника эпизода, в которых прославленный аскет сталкивается с чужой греховностью. В первом из них добродетельное поведение отшельника вызывает приступ острой зависти у другого монаха, попытавшегося его убить. Чудом избежав смерти в огне, Иоанникий смиренно просит прощения у своего недоброжелателя за то, что неволью ввел его в соблазн, и надолго уходит в пустыню. Во втором эпизоде духовно возвышенный отшельник по возвращении в мир принимает на себя бремя чужого греха, чтобы спасти терзаемую бесами монахиню, и этот акт сострадания едва не стоит подвижнику жизни. Любопытно отме-

тить, что в современной электронной версии Жития Иоанникия Великого эти эпизоды сведены в одной туманной фразе: «Ни огонь, ни яд не могли повредить ему». [4] Между тем они представляются очень важными для становления концепции христианского служения будущей матери Марии, остро ощущавшей личную ответственность за происходящее в мире зло и готовой, следуя призыву евангелиста, в едином порыве отдать собственную душу «за други своя». Эта тема позднее получит свое яркое художественное воплощение в ее мистерии «Анна».

Сборник «Жатва духа» в своем полном объеме при жизни автора так и не увидел свет. По всей видимости, найдя подкрепление своим мыслям в православной агиографии, она утратила интерес к своему литературному замыслу. Ведь, как уже говорилось, труды на ниве российской словесности не были главным делом жизни. Елизаветы Юрьевны. Однако и в незавершенном виде этот сборник, запечатлевший духовные искания выдающейся христианской подвижницы двадцатого столетия, заслуживает пристального внимания и религиоведов, и филологов.

Список литературы

1. Кузьмина-Караваева Е.Ю. Равнина русская: Стихотворения и поэмы. Пьесы-мистерии. Художественная и автобиографическая проза. – СПб., 2001.
2. Бунина С.Н. Поэты маргинального сознания в русской литературе начала XX века. Автореф. дис. доктора филол. наук.– М., 2006.
3. Кузьмина-Караваева Е.Ю. (Мать Мария). Жатва духа: Религиозно-философские сочинения. –СПб.. 2004.
4. Электронный ресурс: «Православный церковный календарь» // <http://days.pravoslavie.ru/Life/life2482.htm>